

Н.С. Лесков

Христос в гостях у мужика

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, я сам слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и вам передам его же словами.

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в эти места прибыл за крепостное время в России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было. Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда восемнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непостыдного. За что он прибыл по суду за поселение - об этом по нашему положению, щадя человека, не спрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекун был в его сиротство да и растратил, или взял, почти все наследство. А Тимофей Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию Создателя, грех сего безумия не до конца совершился - Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большого наказания ему не было, как из первогильдийных купцов сослан он к нам на поселение.

Именье Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

Родители мои попервоначалу не очень меня к нему пускали. Он им мудрен казался. Говорили: «Неизвестно, какой он такой и зачем ото всех прячется. Как бы чему худому не научил». Но я, быв родительской воле покорен, правду им говорил, отцу и матери, что ничего худого от Тимофея не слышу, а занимаемся тем, что вместе книжки читаем и о вере говорим. Как по святой воле Божией жить надо, чтобы образ Создателя в себе не уронить и не обесславить. Меня стали пускать к Тимофею сидеть сколько угодно, и отец мой сам к нему ходил, а потом и Тимофей Осипов к нам пришел. Увидали мои старики, что он человек хороший, и полюбили его, и очень стали жалеть, что он часто сумрачный. Вспомнит свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать, - весь побледнеет и после ходит смутный и руки опустит. Тогда и читать не хочет, да и в глазах вместо всегдашней ласки - гнев горит. Честности он был примерной и умница, но к делам за тоскою своею не брался. Но скуке его Господь скоро помог: пришла ему по сердцу моя сестра, он на ней женился и перестал скучать, а начал жить да поживать и добра наживать, и в десять лет стал у всех в виду как самый капитальный человек. Дом вывел, как хоромы хорошие; всем полно, всего вдоволь и от всех в уважении, и жена добрая, а дети здоровые. Чего еще надо? Кажется, все прошлое горе позабыть можно, но он, однако, все-таки помнил свою обиду, и один раз, когда мы с ним вдвоем в тележке ехали и говорили во всяком благодушии, - я его спросил:

- Как, брат Тимоша, всем ли ты теперь доволен?
- В каком, - спрашивает, - это смысле?
- Имеешь ли все то, чего в своем месте лишился?

А он сейчас весь побледнел и ни слова не ответил, только молча лошадью правил. Тогда я извинился.

- Ты, - говорю, - брат, меня прости, что я так спросил... Я думал, что лихое давно... минуло и позабылось.

- Нужды нет, - отвечает, - что оно давно... минуло, - все помнится...

Мне его жаль стало, только не с той стороны, что он когда-нибудь больше имел, а что он в таком омрачении: Святое Писание знает и хорошо говорить умеет, а к обиде такую память хранит. Значит, его святое слово не пользуется.

Я и задумался, так как во всем его умнее себя почитал и от него думал добрым рассуждением пользоваться, а он зло помнит... Он это заметил и говорит:

- Что думаешь?

- А так, - говорю, - думаю что попало.

- Нет: ты это обо мне.

- И о тебе думаю.

- Что же ты обо мне думаешь?

- Ты, мол, не сердись, я вот что про тебя подумал. Писание ты знаешь, а сердце твое гневно и Богу не покоряется. Есть ли тебе через это какая польза в Писании?

Тимофей не осерчал, но только грустно омрачился в лице и отвечает:

- Ты святое слово приводить не сведущ. Не сведущ, - говорит, - ты и в том, какие на свете обиды есть, коих стерпеть нельзя, - и рассказал мне, что он не за деньги на дядю своего столь гневен, а за другое, чего забыть нельзя.

- Век про это молчать хотел, но тебе, - говорит, - как другу моему откроюсь.

И открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

- Разве, - говорит, - все это можно простить. Я его в жизнь не прощу.

- Ну да, - отвечаю, - обида твоя велика - это правда, а что Святое Писание тебя не пользуется, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мною оправдать.

А я ответил:

- Тимоша! Ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое, а в Новом - яснее стоит: «возлюби да прости», и это мне нравится, как злат ключ, что всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме:

Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего? И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

- Последуй, - говорю, - лучше сему, а то я опасуюсь, что «многие книги безумным тя творят».

- Ты, - говорю, - ополчись на себя. Пока ты зло помнишь - зло живо, - а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покое жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

- Не могу, оставь, мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а шло время, и убыло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает, что если пустить его на всю свободу, да если он достигнет где-нибудь своего дядю, - забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся

мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так верно и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но только шло это - удивительно.

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розы и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запах был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розы и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут иногда молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собой Евангелие. Поглядел розы, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его, так жаль, что он заплакал. Вот тут в эту самую минуту и случилось чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил.

- Гляжу, - говорит, - вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в такой бедности...

И наполнились все глаза мои слезами, и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если бы Ты ко мне пришел - я бы Тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то в ветерке розовом дохнуло:

- Приду!

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает: как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

- Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом в Писании?

А Тимофей говорит:

- В Писании есть: «Все Тот же Христос ныне и во веки», - я не смею не верить.

- Что же, - говорю, - и верь.

- Я велю что день на столе Ему прибор ставить.

Я плечами пожал и отвечаю:

- Ты меня не спрашивай, смотри сам лучшее, что к Его воле, а в приборе Ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

- Сказано, - говорит. - «Сей грешники приемлет и с мытарями ест».

- А и то, - отвечаю, - сказано: «Господи! Я не достоин, чтобы Ты взошел в дом мой». Мне и это нравится.

Тимофей говорит: - Ты не знаешь.

- Хорошо, будь по-твоему.

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек, - он, да жена, да трое ребяточек, - всегда у них шестое место в конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию «для первого гостя», а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова в розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье, но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь Своё обещание

сдержит - придет. Открывал мне Тимофей так, что «всякий день, - говорит, - я молю: «ей, гряди, Господи!» - и ожидаю, но не слышу желанного ответа: «ей, гряди скоро!»

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

- Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен и тут только спросил:

- Какое же ты имеешь в этом уверение?

- Ныне, отвечает, только что я помолил: «Ей, гряди, Господи!» - как вся моя душа во мне всколыхнулася и в ней словно трубой вострубило: «Ей, гряди скоро!» Завтра Его святое Рождество - и не в сей ли день Он пожалует. Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

- Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек - мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай Ему угодное товарищество.

- Понимаю, - отвечает, - сейчас пошлю служающих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных - кто в нужде и бедствии. Явит Господь дивную милость - пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

- Тимофей, - говорю, - кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь.

Однако, если все это столь сильно «трубит» в душе твоей, то да будет так, как тебе открывается. Если Господь придет, Он все, чего не достанет, пополнит, и если ты кого Ему надо забудешь, Он сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы всех дожидаться. Застали большие хоромы его полны людей, всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест, - и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалось, да и ждать больше было некого: все послы домой возвратились, и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась метель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет, - который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло и все мы ждем в сумраке при одном малом свете от лампад перед иконами.

Тимофей ходил и сидел и был, видно, в тяжелой тревоге. Все упование его поколебалось, - теперь уже видное дело, что не бывать «великому гостю».

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит: - Ну, брат милый, - вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех кого надо, чтоб Его встретить. Будь о всем воля Божия: помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю: - Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал: «Отче наш, иже еси на небеси», а потом «Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите, Христос на земли...»

И только это слово вымолвил, как что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылись настезь.

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие пали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, - неопisанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая как из снега рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем, такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидал это - вскричал: - Господи! Вижу и приму его во имя Твое, а Ты Сам не входи ко мне: я человек злой и грешный, - да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей покорностью тронуло, и воскликнул всем вслух: - Молитесь: Христос среди нас! - А все отвечали: - Аминь, - то есть «истинно».

Тут внесли огонь, - я и Тимофей восклонились от полу, а белой руки уже не видать, - только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик - может быть, вы и сами догадаетесь, - это был враг Тимофея, дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него пошло прахом, и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту метель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

- Но вдруг, - говорит, - кто-то неведомый осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на Моем месте и поешь из Моей чаши», - взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал: - Я, дядя, твоего Провожатого ведаю: это Господь, который сказал: «Аще алчет враг твой - ухлеби его, аще жаждет - напой его». Сядь у меня на первом месте - ешь и пей во славу Его и будь в доме моем во всей воле до конца жизни.

С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем. Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце тоже может быть такими яслями, если оно исполнит заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас», - и Христос придет в сердце его, как в убранную горницу, и сотворит себе там обитель.